

СЕО Метинвеста Юрий Рыженков о Мариуполе, ЕС и гарантиях для инвестиций в Украину — большое интервью НВ

НВ Бизнес поговорил с руководителем ключевого бизнеса самого богатого гражданина Украины Рината Ахметова. СЕО Метинвеста Юрий Рыженков рассказал о ситуации в Мариуполе, санкциях против России и гарантиях возобновления инвестиций в экономику Украины.

Полномасштабное вторжение России в Украину практически остановило не только развитие компании Ахметова/Новинского, но и всю отрасль. Более того, с первых дней войны в окружении и блокаде оказался Мариуполь — ключевой город в производственной цепочке Группы Метинвест. Здесь расположены меткомбинаты им. Ильича и Азовсталь. Второй из них сегодня известен на весь мир, как центр героического сопротивления украинских защитников, которые на протяжении многих дней сдерживали атаки врага, силы которого были больше в разы или даже на порядки. Именно поэтому Азовсталь фактически была разрушена в результате обстрелов и бомбардировок. Ситуация с ММК им. Ильича более туманна.

Кроме того, Метинвест остановил крупнейший в Европе Авдеевский коксохим и потерял контроль еще над некоторыми активами, например, Запорожским железорудным комбинатом (владеют вместе со словацкими инвесторами). Остальные украинские предприятия работают с минимальной загрузкой. Исключение — иностранные активы. Для них удалось найти новые источники полуфабрикатов вместо тех, что ранее поставлялись из Мариуполя.

НВ Бизнес

пообщался с Юрием Рыженковым, СЕО Группы Метинвест о состоянии мариупольских предприятий, перспективах увеличения производства и новых инвестиций, общении с партнерами по Запорожстали, которые могут иметь российские корни. Кроме того, топ-менеджер рассказал, почему он лично не верил в полномасштабное вторжение россиян до первых ракетных обстрелов.

Азовсталь, им.Ильича и другие

— Основной вопрос — это Мариуполь. Азовсталь на слуху, есть много фотографий этого предприятия. А что с ММК им. Ильича? Сохранилось ли там что-то, что можно в перспективе запустить без существенных инвестиций?

— Актуального и точного состояния мы не знаем ни по Ильича, ни по Азовстали, ни по Мариупольскому ремонтно-механическому заводу. Есть теоретическое предположение, что так как на ММК им. Ильича не было таких серьезных боев, как на Азовстали, то он менее поврежден.

Но повреждения там есть. Какие они — сможем сказать только после деокупации, когда специалисты

смогут приехать и изучить.

— По соцсетям разошлись фотографии конверторного цеха Азовстали. Он просто в решетку превращен, цех технологической диспетчеризации не существует...

— Повреждения там достаточно серьезные. Но все отстраиваемо, вопрос в целесообразности и во времени. Ведь у нас был план постепенно выводить из эксплуатации агрегаты Азовстали и заменять их новыми агрегатами для производства, так называемой, «зеленой» стали. Идея была строить новые мощности на окраине города в районе аглофабрики Ильича.

Поэтому после деокупации, когда мы вернемся, конечно же будем смотреть на целесообразность восстановления старого. А может быть уже целесообразнее будет строить то новое, что мы хотели строить.

— После каких событий вы поняли, что ситуация с Азовсталью критическая?

— Честно говоря, я до сих пор еще верю, что там есть восстанавливаемые вещи. Тот же доменный цех. Судя по фото, там не было супер критических разрушений. Конверторный — выбитые стекла, крыша, да, есть проблема. Нужно, чтобы специалисты приехали на место, оценили состояние конструкций, тогда мы сможем сделать выводы.

— Я слышал от жителей Мариуполя, что украинская военная техника заходила на территорию меткомбинатов уже в первые дни российского вторжения. Согласовывали ли с руководством компании военные то, что предприятие станет центром украинского военного сопротивления?

— В военное время власть в руках военных, поэтому конечно же какого-либо согласования быть не могло. Но и мы с 2014 года активно участвовали в организации обороны города. На наших предприятиях готовили бомбоубежища, запасались едой, водой, связью, генераторами и т. д. Это была скорее подготовка для наших работников и членов их семей. Но когда началось вторжение 24 февраля, власть перешла к военным. Как я понимаю, они оценили степень подготовки и поняли, что это одно из наиболее подготовленных мест.

— Можете ли вы рассказать где были и чем занимались в первые дни войны руководители мариупольских предприятий? Я читал в соцсетях, что гендиректор Азовстали Энвер Цкитишвили был в Италии. Так ли это? Где был гендиректор ММК им. Ильича Тарас Шевченко?

— Оба наши директора 24 февраля были в Украине, в Киеве. У нас в этот день было запланировано совещание топ-менеджмента.

— Чем они занимаются сейчас?

— Оба работают в компании, оба в Украине. Тарас Григорьевич [Шевченко] находится в Запорожье. В ближайшее время он перейдет на новую работу. Энвер Омаревич [Цкитишвили] сейчас работает консультантом нашей операционной дирекции. Плюс помогает выстроить методы обучения персонала — то, что ему всегда нравилось. Они у нас не призывного возраста, к сожалению... или к счастью. Поэтому периодически выезжают за границу.

— Где сейчас находятся работники ваших мариупольских предприятий?

— В структурах Метинвеста в Мариуполе работало 35 тысяч человек. Из них примерно половина вышли на связь с компанией. Большая часть из них выехала на территорию, подконтрольную Украине. Уже более тысячи человек трудоустроены на наши предприятия. Еще две тысячи проходят переподготовку. Я думаю, тоже присоединятся к нашим коллективам в Запорожье, Каменском, в Кривом Роге. Со второй половиной, к сожалению, связи у нас на сегодня нет.

По косвенной информации мы понимаем, что большая часть из них либо осталась в Мариуполе, либо выехала в сторону неподконтрольных территорий или в Российскую Федерацию.

— Почему вторая половина людей не выехала на территорию, подконтрольную Украине? Это политические убеждения или отсутствие возможности?

— Здесь нет какой-то одной конкретной причины. С одной стороны, мы понимаем, что определенные пророссийские настроения в Мариуполе всегда были. По нашим оценкам, от 15 до 20% мариупольцев активно симпатизировали Российской Федерации. Это не так уж и много на самом деле для абсолютно русскоговорящего города, который после Второй мировой наполнен приезжими с того же Краснодарского края, Ростовской области, Таганрога и т. д. Это те люди, которые фактически остались из-за убеждений.

Также очень много людей просто побоялись переезжать на новое место, не захотели начинать жизнь с нуля. Решили, что будут оставаться в городе, где есть жилье, родственники, родители, которые отказываются выезжать.

— **При том, что условия в Мариуполе не идеальные.**

— Я подозреваю, что еще «не вечер»...

— **Еще не зима...**

— В Мариуполе самый страшный месяц ноябрь, когда начинаются ветра серьезные, перепады температуры. И без отопления, без нормальной воды, без канализации я не представляю, как люди будут жить.

— **Недавно президент Мариупольского телевидения Николай Осыченко озвучил страшные оценки по погибшим жителям Мариуполя — более 80 тысяч человек. Есть ли у вас какие-то оценки по количеству погибших работников Группы в Мариуполе?**

— К сожалению, уже больше 420 работников компании и членов их семей погибло, почти 500 человек — ранены.

— **Это именно мариупольцы?**

— Не только. Мариупольцев — около 300 а более 420 — всего погибших сотрудников Группы, совместных предприятий и членов их семей. Это те люди, по которым у нас есть точное подтверждение. Среди них 80 сотрудников «Метинвеста», которые служили в ВСУ.

Нероссийское направление

— **Задам несколько вопросов о взаимоотношениях Метинвеста со страной-агрессором. Что с вашими активами в РФ и Беларуси?**

— С 24 февраля принято решение об их ликвидации. Там у нас только бытовые активы: Метинвест Евразия и белорусская Метинвест Дистрибуция. Там есть операционные команды, которым даны инструкции по ликвидации.

— **В компании работали российские и белорусские топ-менеджеры. Что с ними сейчас?**

— Не только топ-менеджеры. У нас было достаточно много профессиональных менеджеров, которые были гражданами Беларуси или Российской Федерации. Многие из них проработали в компании больше 10 лет. После 24 числа большая часть из них или была уволена, или уволилась сами.

— **Это десятки или сотни людей?**

— Было точно больше сотни, сейчас остались единицы. В основном это те, кто осуждает то, что происходит, кто-то получил другое гражданство.

— **В каком состоянии сейчас ваши отношения со второй группой акционеров Запорожстали?**

— Ни в каком, причем уже достаточно давно. Исключительно в рамках регулярных собраний акционеров.

— **Но там же владение 50:50 практически. А нужно принимать решения.**

— Не совсем. Возможность принимать решения без значительной группы акционеров имеется, если есть поддержка миноритарных акционеров.

— **Сейчас активизировалось Бюро экономической безопасности. Не видите ли вы рисков, что долю второй группы акционеров могут арестовать, если найдут их взаимосвязь с российским бизнесом, и передать в АРМА? Или это наоборот не риск, а возможность?**

— Такие решения и их комментирование — исключительно прерогатива государства. Мы в этом не видим пока ни рисков, ни возможностей. Хотя, Запорожсталь — это предприятие, которое требует серьезной инвестиционной программы. А часть его акционеров была не готова инвестировать. Поэтому, какие-то решения государства могут дать возможность для развития комбината.

Что поможет металлургии кроме логистики

— **Какие перспективы увеличения производства на ГОКах и металлургических активах Группы?**

Только разблокировка портов может помочь

?

— Есть несколько направлений, по которым мы работаем. Конечно же, разблокировка портов — это очень важная история. Если найдут способ разблокировать порты для продукции ГМК, это даст хороший результат и по загрузке предприятий. Но это скорее геополитический и государственный вопрос, которым активно занимаются и президент, и Министерство инфраструктуры.

Другое направление — это постройка нового завода в ЕС, который бы мог перерабатывать нашу железную руду, стать возможностью для сбыта украинской продукции на экспорт.

— **Но ее все равно надо вывезти.**

— Есть вариант локации, куда руду можно вывозить существующими логистическими возможностями. Либо мы сможем расширить логистические возможности, чтобы эту руду туда доставлять.

Параллельно с этим смотрим на проекты, которые можно было бы сделать на Запорожстали и

Каметстали

. Это тоже может помочь расширить узкие места, особенно по производству высококачественного проката. И позволит дозагрузить предприятия. Мы опробовали производство высококачественного доменного окатыша на СевГОКе буквально в августе. Его возможно даже довести до уровня DRI-окатыша (сырье с высоким содержанием Fe, которое можно использовать в технологии прямого восстановления железа — НВ Бизнес), который ранее производили только на ЦГОКе.

Но делать серьезные инвестиции сейчас в предприятия в Украине, особенно с длительным сроком окупаемости, практически нереально.

Мое личное мнение, что пока не закончится война убедительной победой Украины...

— **В каком виде?**

— Это не обязательно должна быть капитуляция [России], но это какая-то убедительная точка в конце войны, не Минские соглашения. Это должно быть что-то гораздо более серьезное с гарантиями безопасности — не Будапештский меморандум — а реальные гарантии безопасности Украине. До того, как такая точка будет поставлена, никакие серьезные инвестиции в страну приходить не будут от внешних инвесторов, это просто невозможно.

Поэтому и у нас активная фаза инвестирования начнется только после окончания войны.

ЕС: производство, инвестиции, санкции

— **Вы упомянули о проекте строительства в ЕС.**

Ранее уже озвучивалось, что это может быть Италия или Болгария

. **Сейчас вы уточнили, что это не просто прокатное производство, а с переработкой руды. То есть там будут доменные и сталеплавильные мощности?**

— Изначально у нас была идея прокатного производства. Но это было рассчитано под наличие слябов Азовстали. В обозримом будущем мы этих слябов не увидим. Поэтому мы начали смотреть другое направление, основанное на DRI-сырье и электросталеплавильном способе производства.

— **Насколько реально под такой проект найти финансирование с учетом избытка мощностей в мире?**

— В ЕС нет избытка мощностей, это нетто-импортер.

Сталь — это стратегический продукт, каждый пытается быть самообеспеченным в стали. На данный момент ушли Азовсталь и ММК им. Ильича с европейского рынка, и у Европы очень большие проблемы с плоским прокатом. Они не могут быстро его заместить. При этом сейчас ведутся разговоры о новом пакете санкций. С большой долей вероятности будет закрыт путь российским полуфабрикатам в Европу. Это создаст еще больше дефицита. То есть это стимулы, которые говорят, что в Европе необходимо создание новых сталеплавильных мощностей. При этом сегодня есть все технологии, чтобы это была так называемая «зеленая» сталь, с минимальными выбросами.

— Мне, наверное, проще назвать российскую

компанию, которая до сих пор поставляет слябы в Европу. Это НЛМК

. Насколько велика вероятность того, что европейцы закроют эту щель для поставки российского металлопроката?

— Насколько велика вероятность... тяжело сказать. Мы думали, что это войдет в один из первых пакетов санкций, потому что это прямое финансирование экономики агрессора, это первое. Второе: это в некотором смысле антиконкурентные действия по отношению к тем, кто не готов спонсировать экономику страны-агрессора. Например, итальянские заводы Метинвеста ни при каких условиях не будут использовать российские слябы. А это означает, что мы будем в худшей конкурентной позиции по сравнению с теми, кто готов спонсировать страну-агрессора и готов эти слябы покупать. Поэтому я надеюсь, что Еврокомиссия прислушается к этим аргументам. Тут аргументы должно говорить украинское правительство: Министерство экономики, МИД. И я знаю, что они говорят постоянно. Я надеюсь, что их услышат.

— Вы сказали, что не можете брать российский сляб. Тем не менее, вы смогли практически полностью загрузить прокатные мощности в Италии и Великобритании. Чем заменили сляб Азовстали и Ильича?

— У нас несколько источников. Мы покупали в Юго-Восточной Азии, смотрели на бразильские слябы. Мы покупаем европейский сляб. Например, Acciaierie di Italia Holding в Таранто (бывший ILVA). Ведем переговоры с US Steel в Кошице, с Liberty. Небольшими партиями ищем слябы.

Плюс мы осваиваем производство слябов на Запорожстали. Это катаный сляб, но уже первые успехи у нас есть. Более того, у нас есть внутрикорпоративная синергия. Мы производим слитки из конвертерной стали на Каметстали, после этого прокатываем его в сляб на Запорожстали. Сляб идет на европейские активы и перекачивается в листы.

— То есть при производстве листа из катаных слябов Запорожстали больше вопросов возникает к качеству и характеристикам мартеновской стали, чем к способу разливки? А при использовании конвертерной стали Каметстали вы решаете эти вопросы?

— Да.

Работа в прифронтовой зоне

— Насколько сейчас безопасно добывать уголь в Покровске?

— Покровск с точки зрения безопасности такой же город, как и Запорожье, Кривой Рог. Они все от линии фронта находятся практически на одинаковом расстоянии: 40–45 километров. Поэтому несколько смешно задавать вопрос о безопасности работы в Покровске, но не задавать такой же вопрос о Кривом Роге и Запорожье. Во всех городах сегодня, к сожалению, небезопасно.

Ситуация в Покровске более сложная из-за гуманитарной проблемы.

— Отсутствие газа, света?

— Я не думаю, что со светом в Покровске будут проблемы, а вот с отоплением будут. Но мы над этим очень активно работаем вместе с местной властью. Фокусируемся на том, чтобы подготовить места размещения наших сотрудников там, где это отопление будет. Тем более, что отопление можно осуществлять закупленным нами же углем.

— Обязательная

эвакуация из Донецкой области может как-то повлиять на работу актива

?

— Она влияет, но мы помогаем нашим сотрудникам эвакуировать семьи в более безопасные места с гуманитарной точки зрения. А для тех сотрудников и членов их семей, которые решают остаться и продолжать работать, мы организовываем такие же места в самом Покровске.

— Где вы берете кокс после

остановки Авдеевского коксохима

?